

УДК 821.161.1—311.4

DOI:10.37279/2413-1679-2020-6-1-76-94

**«БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?»: СПОРЫ О ДУШЕ
В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И КРИТИКЕ 1920-1930-Х ГОДОВ**

Машкова Е. Е.

**Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,
г. Симферополь, Россия
lebed_ekaterina@bk.ru**

Статья посвящена проблеме трансформации ключевого концепта русской ментальности «Душа» в советской литературе и критике первых послереволюционных десятилетий. Обнаруживается, что для адептов нового строя *душа* прежде всего связана с религиозными представлениями о божественном начале в человеке. Описываются симптоматичные для 1920-х годов попытки дискредитировать это понятие, исключить его из активного словаря как идеологически чуждый анахронизм. Показана сложная авторская рефлексия «попутчиков» (Л. Леонова, М. Шагинян), представителей «внутренней эмиграции» (А. Платонова) относительно духовных экспериментов эпохи. В «Соти» Л. Леонова, «Гидроцентрали» М. Шагинян, «Шарманке» А. Платонова обнаруживаются контексты, свидетельствующие, что для указанных авторов *душа* по-прежнему остается основополагающей бытийной категорией.

Констатируется, что к середине 1930-х годов слово *душа* из обихода литераторов не уходит, хотя в большинстве случаев употребляется только в составе фразеологизмов. На материале произведений Ф. Гладкова, И. Ле, В. Кетлинской, Б. Ясенского, Г. Дальнего, П. Нилина, А. Зорича, А. Карцева доказывается, что традиционные представления о душе не просто искоренялись новой идеологией, а, искажаясь, адаптировались к ней.

Обосновывается нетождественность категорий «коллективизм» и «соборность».

Ключевые слова: советская литература, социалистический реализм, концепт «Душа», национальная ментальность, соборность, коллективизм.

ВВЕДЕНИЕ

Современные гуманитарии единодушны во мнении о религиозной природе русского коммунизма, при этом среди источников большевизма одним из первых упоминают православие [7, с. 127–131]. Порой «переделка» русского в советское, православного в коммунистическое представляется упрощенно – как перелицовка, переименование существовавших до революции обрядов и аксиологических ориентиров. Качественно иную оценку происходившему дают М. М. Дунаев, И. А. Есаулов, В. Мочалова. М. М. Дунаев подчеркивает, что коммунизм пародирует православное миропонимание [13, с. 13]. И. А. Есаулов отмечает, что большевистская религиозность, используя христианскую каноничность, полностью перекодирует православную ценностную систему [18, с. 14–15].

Анализ трансформаций в эпоху большевизма концептов, ключевых для русского национального сознания, позволяет доказать, что тогда имели место не просто переименование, а именно тотальная перекодировка дореволюционных ценностных категорий.

Концепт «Душа» традиционно называют основообразующим для русской ментальности [28], однако его связь со сферой религиозного характеризуют по-разному. Ряд исследователей считает, что для русского народа и сегодня *душа* прежде всего – вместилище Божественного в человеке [6, с. 205]. Существует и прямо противоположное мнение, согласно которому сакральное значение слова, определяющее для древних памятников и церковных текстов, утрачивается по мере утверждения материалистического мировоззрения и уже в XIX веке в русском сознании душа – это не столько *божественное*, сколько индивидуально-личностное, *человеческое* [1, с. 97; 33, с. 168; 5, с. 488]. В 1920-е годы, тем не менее, представления о душе развенчивались прежде всего потому, что «от души рукой подать до веры, до Бога» [14, с. 170]. Подчеркивалось, что до революции так много говорилось о душе именно служителями церкви: церковь «использовала понятие о душе для направления поведения людей» [4, с. 157].

Подобные процитированному контексты позволяют рассмотреть трансформации концепта «Душа» в литературно-критическом дискурсе 1920–1930-х годов в свете проблемы псевдорелигиозных претензий большевизма, охарактеризовать природу предлагаемых им духовных ценностей, что составляет цель настоящего исследования.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Страницы «толстых» литературных журналов первых послереволюционных десятилетий изобилуют свидетельствами того, что слово *душа* воспринималось адептами нового строя как чуждое, инородное. Об этом говорят многочисленные кавычки, оговорки, пояснения.

В 1933 году на страницах «Красной нови» рапповский критик В. Ермилов в статье «Рост пролетарской интеллигенции и вопросы тематики художественной

литературы» приводит слова передовика Государственного подшипникового завода имени Л. М. Кагановича рабочего Крапивина о технической литературе тех лет. Главный недостаток книг на производственные темы рабочий видел в том, что в них «не вложено души» [17, с. 180]. Трижды цитируя слова Крапивина, Ермилов всякий раз считает необходимым пояснить сомнительную формулировку: «души, *т. е. живой и горячей творческой мысли, работающей на социализм*» (здесь и далее курсив наш. – Е. М.); «“души”, *т. е. ... ленинско-сталинского, партийного, наполненного духом бешеной страстности, большевистским революционным размахом отношения к технике...*»; «“души”, *революционного размаха, боевого огня...*» [17, с. 180, 184].

Кавычек, идеологически выдержанного разъяснения В. Ермилову как будто недостаточно – критик, словно пытаясь обезопасить себя, прячется за авторитет вождей, отсылает читателя к ленинским и сталинским высказываниям.

Ни Ленин, ни Сталин от слова *душа* не отказывались. Вспомним ленинские слова о двух душах мелкого собственника и сталинскую формулировку «инженеры человеческих душ», адресованную советским писателям. Нужно отметить, что существует версия, согласно которой автором известной номинации художников слова был Ю. Олеша – Сталину же она просто понравилась. Поначалу, прибегая к этому выражению, Сталин в духе эпохи сопровождал фразу своего рода пояснением, указанием на первоисточник – словами «Как метко выразился товарищ Олеша...» [38]. Со временем формулировка прижилась и закрепилась за «отцом народов», оговорки стали излишними.

Между тем, участники литературного процесса 1920–1930-х годов, даже цитируя вождей, слово *душа* считали необходимым выделять графически и комментировали особо. Давая оценку массово издаваемой в конце 1920-х книге Ф. И. Панферова, критик М. Гельфанд последовательно закавычивает опасную лексику: «“Бруски” есть художественное <...> применение ленинского учения о “двух душах” мелкого товаропроизводителя <...>. Борьба этих “двух душ” – “души” торгаша и приобретателя против “души” труженика – и составляет драматический конфликт, лежащий в основе “Брусков”» [8, с. 156].

На Первом Всесоюзном съезде советских писателей А. Н. Афиногенов, упомянув о том, что Сталин назвал советских писателей инженерами человеческих душ, осторожно пояснил сталинское определение со ссылкой на Малую советскую энциклопедию. В энциклопедической словарной статье констатировалось, что марксистская психология дискредитировала представления о душе как научно несостоятельные [28, с. 429]. (Вспомним здесь и тиражируемое в СССР определение самого понятия «психология»: марксистская психология – психология не «в точном словесном смысле (психэ – душа)», она «начисто» отказалась от понятия души [4, с. 157–158].)

По мысли А. Н. Афиногенова, всякий раз, когда говорится о душе, на самом деле «речь идет о психологии, о психическом в человеке», соответственно, советские литераторы – это «инженеры человеческой психологии», что проявляется в раскрытии в книге личностного начала, характера человека [Там же].

Такое словесное блуждание, попытки обойтись без сущностно необходимых понятий точно воссоздал в пьесе «Шарманка» А. Платонов. По сюжету пьесы в СССР приезжает профессор Стерветсен, желающий разобраться: правда ли, что большевики изжили душу как слово и феномен. Герои пьесы, страшая обвинений в религиозной пропаганде, заменяют слово *душа* новыми, не всегда осмысленными и понятными словами-симулякрами (например, лексемой *надстройка*). Адепты нового строя, как Л. Авербах в роковой для Платонова статье «О целостных масштабах и частных Макарах», недорого оценили духовный и лексический вакуум, ощущаемый писателем онтологически трагично: «...конкретный смысл платоновского “даешь душу” означает “даешь право на ячество, на шкурничество, на себялюбие...”» [цит. по: 2, с. 273–274]. На языке эпохи реквием Платонова по душе – не более чем «правоуклонистские и кулацкие лозунги» [Там же].

Несмотря на то, что перед литературой официально ставилась задача утверждать «диалектико-материалистическое мирозерцание» [26], на уровне живого художественного слова отказаться от понятия души оказалось невозможно не только для А. Платонова. Авторы, мировоззрение которых формировалось до революции, в сложную эпоху эстетических, философских, религиозных исканий разного толка,

художники, личностное и творческое становление которых пришлось на первое послереволюционное десятилетие, названное исследователями периодом плюрализма идей и подходов, не могли не говорить о душе и духе. В «попутнической» литературе *душа* становится предметом размышлений и писателей, и героев. Авторское видение заданных временем идейно-нравственных пертурбаций чаще раскрывается через подтекст, через осторожные комментарии, сопровождающие однозначные, казалось бы, идеологически выдержанные речи персонажей.

Спор о душе завязывается между героями леоновской «Соти»: большевиком Увадьевым и обитателем монашеского скита Геласием. Слова Увадьева критики расценили как свидетельство его неколебимого материализма. «Видишь ли, я знаю ситец, хлеб, бумагу, мыло...» – отвечает Геласию Увадьев. – Я делал их или ел, или держал в руках... я знаю их на цвет и на ощупь. Видишь ли, я не знаю, что такое душа. Из чего это делают?... где это продают?» [25, с. 24]. Один из рецензентов романа Арк. Глаголев на основании этой сцены сделал вывод о том, что новый человек в художественной трактовке Леонова «справедливо не верит в “душу”», противопоставляя ей конкретно материальный мир [9, с. 168]. Между тем у Леонова Увадьев как раз не готов определенно ответить на вопрос Геласия о душе. Этого «чугунного» большевика мысли о душе привели в растерянность – он даже перестал вычерпывать воду из протекающей лодки. Потребность разгадать тайну вселенной человека зрела в самом Увадьеве: «в этот миг он отвечал *не одному только* Геласию» – прежде всего, он говорил самому себе [25, с. 24]. По Леонову, новый человек не столько отрицает свое духовное бытие, сколько не знает себя, а потому, волевой, решительный и сильный внешне, обречен на сомнения и внутреннюю, духовную неустроенность, что вызывает авторское сочувствие и сожаление.

Представления о душе и духе как сущностном, бессмертном начале личности оставались органичными и художественному миру автора «Гидроцентрали». Для М. Шагинян, прошедшей серьезную школу символизма, не понаслышке знакомой с богословием, душа всегда была понятием особой, исключительной важности (о чем свидетельствует книга ее мемуаров «Человек и время» [37, с. 291]). В романе о

строительстве Мизингэса налицо примета эпохи – несколько вариаций названия внутреннего «я» героев: это и «пролетарское нутро», и «ток той высшей формы материи», которую, как замечает повествователь, можно называть по-разному: «электричеством, внутренней секрецией, энергией или просто, как средневековые храбрецы иные, духом» [36, с. 393]. Автор прибегает к категориальному аппарату материализма, но это как будто не кажется ему исчерпывающим. Финальное определение души у М. Шагинян оказывается парадоксально созвучным строкам о душе писавшегося в те же 1920–1930-е годы труда Св. Луки (Войно-Ясенецкого) «Дух, душа и тело», его посылу о *духовной энергии*, увлекавшей в средние века тысячи людей в крестовые походы [30]. Здесь писательница, безусловно, выдает себя: в бытийных вопросах ей не удастся довольствоваться новоязом.

В произведениях другого поколения писателей, пришедших в советскую литературу в 1930-е годы, уверенно шагающих по «столбовой дороге» пролетарского искусства, *душа* – уже не повод для философской рефлексии. У героев И. Ле в «Романе межгорья» в *душе* кипят самые противоречивые чувства [24, с. 12, 110, 131, 236, 410–411, 497, 526, 551]. Персонажи ощущают потребность в *душевной теплоте* [там же, с. 14], им хочется в дружеской беседе *отвести душу* [там же, с. 92, 468], претит *кривить душой* [там же, с. 123, 519], *на душе, в глубине души* бывает и тяжело, и радостно [там же, с. 67, 116, 128, 338, 351, 559]. В их жизни случалось, что *душу* сковывал страх [Там же, с. 485, 526], «*сомнения, словно ржавчина, разъедали душу*» [Там же, с. 87]; воспоминание *терзало душу* [Там же, с. 335]. У строителей светлого будущего в романе П. Нилина «Человек идет в гору» *душа* и радуется, и бывает беспокойна [27, с. 68], у главного героя «Магистрала» Карцева *на душе* было хорошо, ясно [21, с. 118, 130].

Большинство приведенных примеров – фразеологизмы, а, как известно, в идиомах значение отдельного слова зачастую «стерто» [5, с. 527]. Однако в литературе 1930-х годов слово *душа* далеко не всегда употребляется авторами безотчетно. «Саид-Али, точно душа, потерявшая покой, метался по межгорной долине», и только в беседах с коммунистом Лодыженко «он находил успокоение для своей души», – читаем в романе И. Ле о тревоге Саида за судьбу строительства [24,

с. 77, 80]. *Душа* в этом случае – именно нечто бестелесное, хотя и не имеющее никакого отношения к религиозной традиции. Напротив, по логике писателя, религия убивает в человеке душу, церковная обрядовость калечит ее – в двадцатом столетии душой человека овладевают не «Магомет, не Коран, а другие книги, другие истины» [Там же, с. 18, 63].

Об особой – настоящей, комсомольской – душе говорят герои В. Кетлинской. Когда Васька Бессонов возмутился, что его, лучшего ударника, отсылают из столицы работать на Дальний Восток, секретарь райкома упрекнул его в том, что он будто бы и ударник, и герой производства, а душа в нем не как у комсомольца – *липовая* [22, с. 36]. Изменяются критерии оценки нравственного, высокого. Комсомолец *обогащается душой* (значит «вырастает в настоящего, нового человека»), только если труд для него «дело чести и славы» [Там же, с. 202]. А в истории строительства Беломорско-Балтийского канала основатели ГУЛАГа настроены заново «сотворить» заключенных: «Мы в них *живую душу вдунем*» [3, с. 76]. Таким образом, в литературе соцреализма представления о душе не только дискредитируются как чуждые советской культуре, но и «подгоняются» под ее нужды.

Симптоматично, что, описывая внутренний мир героев, писатели нередко дают им парадоксальные характеристики. В повести Ф. Гладкова «Новая земля» партсекретарю Банкину чужды какие-либо симпатии, чувства – он прямо называется бездушным. Что бы Банкин ни делал: общался ли с людьми, улыбался, ел, – в его портретных зарисовках неизменно одно: делал он это *бездушно* [10, с. 80, 53, 51, 55, 80, 125, 141, 144, 146, 171, 173, 182]. В его окружении такая бездушность воспринимается едва ли не как обязательная черта облика настоящего вождя. У Банкина появляются подражатели: бездушным, косноязычным старается казаться секретарь коммуны Тришка [Там же, с. 139].

Еще в замятинском «Мы» у строителя «Интеграла» не должно было быть души. Е. Замятин пророчески писал о том, что в мире тотального контроля уцелеют слова с этим корнем, и даже, возможно, кто-то по старой памяти скажет ненароком «душа в душу». Но слово *душа*, такое «странное, древнее», запретят, вычеркнут, забудут: душа – это неподконтрольно, душа – это «очень опасно» [15, с. 135]).

В «Новой земле» Ф. Гладкова бездушие Банкина особого рода. Эта черта не расценивается ни автором, ни персонажами как недостаток. Бездушие будто не исключает в герое чуткости. Такую парадоксальность нового типа руководителя подмечает педалогичка Галя. Она называет Банкина глухим, слепым и бездушным и тут же говорит, что он «отзывчивый и чуткий» [10, с. 174]. Подобные взаимоисключающие характеристики – не описка, не писательская небрежность. Автор осознанно наделяет своего героя столь противоречивыми чертами. Через несколько лет после окончания повести Ф. Гладков начал работу над романом о строительстве Днепрогэса, главный герой которого – руководитель проекта Мирон Ватагин – тоже производит впечатление человека без души. В написанной позже статье «Моя работа над “Энергией”» писатель объяснял, что Ватагин только кажется бездушным, на самом деле герой – «добрый человек», а за бездушие принимают его «холодную прямолинейность» [11, с. 169].

В свое время критик С. Канатчиков, давший едва ли не единственную положительную рецензию на повесть «Новая земля», объяснял феномен Банкина просто: в первые годы после революции в стране остро ощущалась нехватка квалифицированных кадров и в провинцию на партийную работу посылали людей, не имеющих достаточных знаний и опыта для взаимодействия с массами, с коллективом [20, с. 162]. Позже, в середине 1930-х годов, критики дали свое объяснение тому, почему в художественных произведениях первых послереволюционных десятилетий большевики нередко лишены рефлексии, душевной жизни: партиец – человек дела, он не выставляет сомнений, переживаний напоказ, а литераторы лишь по неумелости не смогли разглядеть «огромной душевной интеллектуальной высоты» своих персонажей [29, с. 57].

Думается, в случае с Ф. Гладковым дело не столько в этом. Воспитанный в патриархальной семье, он безотчетно, но фотографически точно воспроизвел эксперименты эпохи с самой сущностью русской ментальности, отразил отклонение нового человека, большевика, от традиционного национального типа.

Обращенность советских писателей к душе, к душевному в самых, казалось бы, не располагающих к тому произведениях на актуальные в 1920—1930-е темы –

колхозного и индустриального строительства – воспринимается не иначе как устойчивая ментальная особенность русской литературы, не искорененная даже в эпоху «нейтрального стиля». Любопытно здесь и другое. Ю. Тильман, опираясь на анализ русской классики XIX века, пишет о том, что внешний мир так или иначе вторгается во внутреннее «я» человека – *пространство души* и именно душа выступает своеобразной мерой всех вещей: становится понятным, что герою лично близко (приходится *по душе*), а что, напротив, – чужеродно, чуждо (оказывается *не по душе*) [34, с. 156]. Концепт «Душа», по мысли исследователя, включает в себя архетипические категории *свое* и *чужое*.

Это наблюдение принципиально важно и для литературы советской. Героям 1930-х годов развернувшееся в стране строительство (внешнее пространство) *по душе*; это неотделимо близкое, *свое*, а не *чужое*. В «Мужестве» В. Кетлинской юноши и девушки *всей душой* тянутся к настоящей жизни, открывшейся им на Дальнем Востоке [22, с. 510]. Персонажи Б. Ясенского *душу отводят* в разговорах о нуждах строительства [39, с. 30]. В повести Г. Дальнего «Срок» у рабочих *душа за дело болит* [12, с. 61], их *до глубины души* оскорбляет любой намек на личную незаинтересованность в судьбе производства [12, с. 67]. *Болит за дело душа* у пионеров каучуковой промышленности СССР, изображенных в очерке А. Зорича: невероятно много «сил, нервов и души», *душевных сил* они отдают опытам по синтезу резины [16, с. 161, 163, 160]. В словах директора каучукового завода Осипова о нерациональном использовании сырья ощущается *подлинная и острая душевная боль* [Там же, с. 160].

И напротив, *равнодушие* – «чиновное равнодушие», «безразличие к живому делу и живым людям» [Там же, с. 163] – обличались в производственной прозе как порок. Выражения *бюрократ* и *черствая душа* воспринимались как синонимы [22, с. 262]. Большевик, руководитель строительства Боровой в повести С. Колдунова «Р. S.» именно равнодушием объясняет, почему у инженера Соколова, который, к слову, «не был ни врагом, ни вредителем, ни даже недоброжелателем», «из фактов росло безволие, из плана – сомнение и безнадежность»: «В *равнодушии* – вот в чем дело!

Равнодушие искажает, как ложь. Оно деформирует факты, изменяет возможность. *Равнодушным нельзя делать социализм*» [23, с. 53].

Герои соцреалистических произведений связаны с общим делом и друг с другом *душою, объединены душевно*. Особенно явственно, осязаемо *душевная* природа такого родства проступает в романе В. Кетлинской «Мужество», где руководители разговаривают с мобилизованными на стройку комсомольцами *по душам*, а сами комсомольцы между собой общаются *с душой, начистоту, всей душой* стоят друг за друга, *от всей души* желают, чтобы каждый добросовестно выполнял порученную ему работу [22, с. 169, 197, 178, 172, 501].

В природе такого коллективизма как будто угадывается определяющее для русской духовно-нравственной традиции соборное начало. Ведь традиционно под соборностью понимается духовное единение людей, а вместилищем соборного в русском человеке считается именно душа [19, с. 149]. Безусловно, духовные основы этих феноменов различны: соборность в народе зиждется на евангельской любви к ближнему, а строителей нового мира связывает иное – общие переживания о темпах, планах, гигантах индустрии. Но ведь и советскому человеку, герою-производственнику не понаслышке знакомы чувство локтя, дух коллектива. Это ли не своего рода душевное родство?

Неслучайно А. Платонов единение строителей узкоколейки в романе Н. Островского «Как закалялась сталь» называл именно родством. Позднее, в 1980-е годы, исследователи обнаруживали такое душевное единство и в других литературных произведениях эпохи первых пятилеток. Так, например, Е. Скороспелова, размышляя о романе В. Катаева «Время, вперед!», резюмировала, что «преодоление отчуждения между людьми» возможно лишь в особой нравственной атмосфере, которая включает в себя «общую заинтересованность делами стройки, сосредоточенность человеческих помыслов на решении гражданских задач» и «ситуацию общей жизни» [31, с. 148].

Как видим, в выражениях «родство», «заинтересованность», «ситуация общей жизни», «нравственный климат», «преодоление отчуждения» налицо все тот же поиск, подбор альтернативных соборности дефиниций, попытка закрепить в слове

«перелицовку» национальной ментальности. В 1932 году на первом пленуме оргкомитета Союза советских писателей такую попытку сделал и М. Пришвин, предложив именовать чувство общности, единения коллег по писательскому цеху словом *сорадование*. В. Каменский поддержал Пришвина и призвал «петь сорадование и вообще нашу радость» [32, с. 150]. Пролетарские же писатели пришвинский призыв к сорадованию назвали анархизмом, обнажающим «контрреволюционную сущность» автора. По мнению выступающих, это самый что ни на есть «баптистский или сектантский термин», «евангельское слово» и до ликвидации РАПП просто произнести его вслух вряд ли кто-то посчитал бы возможным («Попробовал бы Пришвин “сорадоваться” месяцев семь-восемь тому назад, показали бы ему “сорадование”!») [Там же, с. 150, 236]. Но и сторонники, и противники предложения Пришвина не единожды подчеркивали, что сорадование никоим образом не исключает «принципиальной товарищеской самокритики», «коллективного поправления друг друга» [Там же, с. 172]. В. Кирпотин в своем заключительном слове сделал на этом особенный акцент и заявил, что у литераторов действительно есть немало поводов для *сорадования* (в кавычках и с обязательной оговоркой «раз уж это слово тут употреблялось»): это и проект Союза советских писателей, и «братское объединение литератур всех народов СССР». Но следует помнить, что Союз советских писателей – никоим образом не «союз маниловский», не «аполитичный культуртрегерский союз». Это сближение не исключает «совместной борьбы» [Там же, с. 248, 250].

Именно эта ставка на борьбу, критику, порицание, выискивание недостатков – противостояние и противоборство – позволяет нам, вслед за М. М. Дунаевым, разграничить коллективизм и соборность [13, с. 10] и признать, что в 1930-е годы законы человеческого общежития определяло уже не соборное начало, а нечто принципиально иное.

Соборность – проявление работы духа, а духовное в человеке, согласно мысли Св. Луки (Войно-Ясенецкого), отсылающего к Посланию Апостола Павла к галатам (Гал., 5: 22–23), – это любовь, долготерпение, милосердие.

Романы о соцстроительстве («Мужество» В. Кетлинской, «Человек меняет кожу» Б. Ясенского, «Энергия» Ф. Гладкова), напротив, свидетельствуют, что коммунистический коллективизм не был основан на долготерпящей и всепрощающей любви к ближнему и часто переходил в качества, собственно соборности противоположные, – единодушное поношение и подозрительность. Строители светлого будущего, еще вчера самозабвенно трудившиеся в едином душевном порыве, сегодня могли так же единодушно присоединиться к травле недавнего товарища, а теперь врага народа.

ВЫВОДЫ

Произведения, созданные в первые послереволюционные десятилетия, в полной мере отразили сложный процесс «переделки» национального сознания, нацеленной на основу русской ментальности – первичность в человеке духовного начала. Неоднозначность, трагичность таких экспериментов с духовностью народа вынесена в подтекст романов и повестей писателей-«попутчиков» и представителей «внутренней эмиграции» конца 1920-х – начала 1930-х годов. Литература социалистического реализма 1930-х годов, вопреки декларируемым материалистическим установкам, изобилует примерами того, как традиционные представления о душе, искажаясь, адаптировались к большевистской идеологии, а соборное мироощущение народа вырождалось в бездушный коллективизм. Новая концепция человека утверждалась в массах путем манипуляций сакральным.

Список литературы

1. Арват, Н. Н. Концептосфера лексемы ДУША в русском языке / Н. Н. Арват // Концептосфера русского языка : константы и динамика изменений. Русское слово в мировой культуре : Материалы X Конгресса МАПРИАЛ, 30 июня – 5 июля 2003 г. – С. 94–97.
2. Белая Г. А. Дон Кихоты 20-х годов : «Перевал» и судьба его идей / Г. А. Белая. – М. : Советский писатель, 1989. – 400 с.
3. Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. История строительства. 1931–1934 гг. / текст ред. М. Горького, Л. Авербаха, С. Фирина. – М., 1998. – 616 с.

4. Боровский, В. М. Что такое психология / В. М. Боровски // Красная новь. – 1927. – № 3. – С. 153–175.
5. Булыгина, Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 576 с.
6. Буянова, Л. Ю. Константы «Жизнь», «Душа», «Любовь» как основа русской ментальности и культуры : специфика вербализации / Л. Я. Буянова, А. Р. Ерошенко // Система концептов в русской языковой картине мира. – М., 1999. – С. 204–209.
7. Вайскопф, М. Писатель Сталин / М. Вайскопф. – М. : Новое литературное обозрение, 2002. – 383 с.
8. Гельфанд, М. Заметки о «Брусках» Панферова / М. Гельфанд // Красная новь. – 1930. – Кн. 8. – С. 152–164.
9. Глаголев, А. О «Соти» Л. Леонова / Арк. Глаголев // Новый мир. – 1935. – № 5. – С. 162–169.
10. Гладков, Ф. Новая земля / Федор Гладков // Гладков Ф. Собр. соч. : в 4 т. / Федор Гладков. – М. : Худож. лит., 1931. – Т. 4 : Новая земля : п-ть. – 288 с.
11. Гладков, Ф. Моя работа над «Энергией» / Ф. Гладков // Октябрь. – 1934. – Кн. 5. – С. 162–167.
12. Дальний, Г. Срок / Г. Дальний // Октябрь. – 1932. – Кн. 7. – С. 63–93.
13. Дунаев, М. М. Православие и русская литература: в 6-ти т. / М. М. Дунаев. – Т. 4. – М. : Христианская литература, 2000. – 896 с.
14. Залкинд, А. Б. Целеустремленность / А. Б. Залкинд // Красная новь. – 1927. – № 6. – С. 169–189.
15. Замятин, Е. Уездное. Мы : Романы / Е. И. Замятин. – М. : Олимп, 2001. – 608 с.
16. Зорич, А. Заметки о каучуке / А. Зорич // Красная новь. – 1933. – Кн. 11. – С. 151–188.
17. Ермилов, В. Рост пролетарской интеллигенции и вопросы тематики художественной литературы (О передовиках ГПЗ им. Л. М. Кагановича) / В. Ермилов // Красная новь. – 1933. – Кн. 8. – С. 157–191.

18. Есаулов, И. А. Поэма А. Блока «Двенадцать» и проблема границ между русской и советской культурами / И. А. Есаулов // Постсимволизм как явление культуры : материалы международной научной конференции (4–6 марта 1998 г.). – Вып. 2. – М. : Российский государственный гуманитарный университет, 1998. – С. 10–16.
19. Есаулов И. Тоталитарность и соборность : два лика русской культуры / И. Есаулов // Вопросы литературы. – 1992. – № 1. – С. 148–170.
20. Канатчиков, С. О «Новой земле» Ф. Гладкова / С. О. Канатчиков // Красная новь. – 1931. – Кн. 1. – С. 158–163.
21. Карцев, А. Магистраль / А. Карцев // Новый мир. – 1936. – Кн. 10. – С. 104–130.
22. Кетлинская, В. К. Мужество / В. К. Кетлинская. – Кишинев: Лит. артистикэ, 1987. – 640 с.
23. Колдунов, С. Р. S. / С. Колунов // Красная новь. – 1933. – Кн. 5. – С. 51–115.
24. Ле, И. Роман межгорья / Иван Ле. – К. : Дніпро, 1986. – 639 с.
25. Леонов, Л. М. Соть / Л. М. Леонов // Собр. соч. : в 5-ти томах. – Т. 2. – М. : Гослитиздат, 1953. – 360 с.
26. Литературная энциклопедия : в 11 т. – Т. 6. – М. : Сов. энцикл., 1932. – 920 стб.
27. Нилин, П. Человек идет в гору / П. Нилин // Новый мир. – 1936. – Кн. 10. – С. 44–86.
28. Первый Всесоюзный съезд советских писателей : Стенографический отчет. – М., 1934. – 719 с.
29. Русская советская литературная критика (1935–1955) : хрестоматия : учеб. пособие для студ. филолог. фак. пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» / сост. П. А. Бугаенко. – М.: Просвещение, 1983. – 272 с.
30. Св. Лука (Войно-Ясенецкий). Дух, душа и тело [Электронный ресурс] / Святитель Лука (Войно-Ясенецкий). – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Luka_Vojno-Jasnetskij/dukh-dusha-i-telo/#0_2. – Дата обращения: 30.11.2019 г.
31. Скорospelова, Е. Русская советская проза 20–30-х годов: судьбы романа / Е. Скорospelова. – М.: Изд-во МГУ, 1985. – 264 с.

32. Советская литература на новом этапе : стенограмма Первого пленума оргкомитета Союза советских писателей (29 октября – 8 ноября 1932). – М., 1933. – 257 с.
33. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово, 2000. – 624 с.
34. Тильман, Ю. Д. Концепт «душа» в языковой картине мира Ф. И. Тютчева / Ю. Д. Тильман // Онтология языка и его социокультурные аспекты: материалы конф. аспирантов и молодых ученых Ин-та языкознания РАН (1998 г.). – М., 1999. – С. 155–164.
35. Чуреева, О. Концепт «Душа» в русских романах / О. Чуреева // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – Серия «Филология». – 2004. – Т. 16 (55). – № 1. – С. 92–96.
36. Шагинян, М. С. Гидроцентральный / М. С. Шагинян // Шагинян М. С. Собр. соч. : в 6-ти т. / М. С. Шагинян. – Т. 3. – М. : Гослитиздат. – 1956. – 776 с. 29
37. Шагинян, М. С. Человек и время. История человеческого становления / М. С. Шагинян. – М. : Худож. лит., 1980. – 717 с.
38. Шохина В. О Фельдфебелях, карнавале и заговоре чувств [Электронный ресурс] / Виктория Шохина // Режим доступа : <http://www.pseudology.org/babel/Predtechi.htm>. – Дата обращения: 30.11.2019 г.
39. Ясенский, Б. Человек меняет кожу / Бруно Ясенский. – М. : Сов. писатель, 1956. – 584 с.

References

1. Arvat N. N. *Konceptosfera Leksemy Dusha v Russkom Jazyke* [Conceptual Sphere of Lexeme Soul in Russian Language]. *Konceptosfera Russkogo Jazyka: Konstanty i Dinamika Izmenenij. Russkoe Slovo v Mirovoj Kulture* [Conceptual Sphere of Russian Language: Constants and Dynamic of Changes. Russian Word in World Culture], 2003, pp. 94–97.
2. Belaya G. A. *Don Kikhoty 20-kh Godov: Pereval i Sudba Ego Idei* [Don Quixote of 20s: *Pereval* and the Fate of His Ideas]. Moscow, Sovetskii Pisatel Publ., 1989. 400 p.

3. *Belomorsko-Baltiiskii Kanal Imeni Stalina. Istoriya Stroitelstva. 1931–1934 gg.* [White Sea Baltic Canal Named After Stalin. The History of the Construction. 1931–1934-ies]. Moscow, 1998. 616 p.
4. Borovsky V. M. *Chto Takoe Psihologiya?* [What is Psychology?]. *Krasnaya Nov*, 1927, pp. 153–175.
5. Bulygina T. V., Shmelyov A. D. *Yazykovaya Conceptualizaciya Mira (Na Materiale Russkoj Grammatiki)* [Language Conceptualization of the World (On the Material of Russian Grammar)]. Moscow, Yazyki Russkoj Culture Publ., 1997. 576 p.
6. Buyanova L. Yu., Yeroshenko A. R. *Constanty Zhizn, Dusha, Lyubov kak Osnovy Russkoj Mentalnosti i Culture* [Constants Life, Soul, Love as Fundamentals of Russian Mentality and Cultural: The Specifics of Realization]. *Sistema Conceptov v Russkoi Yazykovoii Kartine Mira* [The System of Concepts in Russian Language World Picture], Moscow, 1999, pp. 204-209.
7. Vaiskopf M. *Pisatel Stalin* [Writer Stalin]. Moscow, Novoye Literaturnoye Obozreniye Publ., 2002. 383 p.
8. Gelfand M. *Zametki o Bruskakh Panferova* [The Notes about *Bars* by Panferov]. *Krasnaya Nov*, 1930, pp. 152–164.
9. Glagolev A. *O Soti L. Leonova* [About *Soviet River* by Leonov]. *Novy Mir*, 1935, pp. 162–169.
10. Gladkov F. *Novaya Zemlya* [New Land]. *Sobranie Sochinenii* [Collected Works], vol. 4. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1931, 288 p.
11. Gladkov F. *Moya Rabota nad Energiei* [My Creation of *The Energy*]. *Oktyabr*, 1934. pp. 162–167.
12. Dalnii G. *Srok* [The Time Frame]. *Oktyabr*, 1932, pp. 58–91.
13. Dunaev M. M. *Pravoslavie i Russkaya Literatura* [Orthodoxy and Russian Literature]. Moscow, Khristianskaya Literatura Publ., 2000. 896 p.
14. Zalkind A. B. *Tselestremennost* [Commitment]. *Krasnaya Nov*, 1927. pp. 169–189.
15. Zamyatin Ye. *My. Uezdnoye* [We. A Provincial Tale]. Moscow, Olymp Publ., 2001, 608 p.

16. Zorich A. *Zametki o Kauchuke* [The Notes about Caoutchouc]. *Krasnaya Nov*, 1933, pp. 151–188.
17. Yermilov V. *Rost Proletarskoi Intelligentsii i Voprosy Tematiki Khudozhestvennoi Literatry (O Peredovikakh GPZ im. L. M. Kaganovicha)* [Growth of the Proletarian Intelligentsia and Issues of the Subject of Fiction (On the Foremen of L. M. Kaganovich State Plant)]. *Krasnaya Nov*, 1933, pp. 157–191.
18. Yesaulov I. A. *Poema A. Bloka Dvenadtsat i Problema Granic mezhdu Russkoi i Sovetskoi Kulturami* [The Poem *The Twelve* by A. Block and the Problem of Sharp Lines Between Russian and Soviet Cultures]. *Postsimvolizm kak Yavlenie Kultury* [Postsymbolism as Cultural Phenomenon], 1998, pp. 10–16.
19. Yesaulov I. A. *Totalitarnost i Sobornost: Dva Lika Russkoi Kultury* [Totalitarianism and Sobornost: Two Faces of Russian Culture]. *Voprosy Literatry*, 1992, pp. 148–170.
20. Kanatchikov S. *O Novoi Zemle F. Gladkova* [About *New Land* by Gladkov]. *Krasnaya Nov*, 1931, pp. 158–163.
21. Kartsev A. *Magistral* [Highway]. *Novy Mir*, 1936, pp. 104–130.
22. Ketlinskaya V. *Muzhestvo* [Courage]. Kishinev, Lit. Artistice Publ., 1987. 640 p.
23. Koldunov S. P. S. [P. S.]. *Krasnaya Nov*, 1933, pp. 51–115.
24. Le I. *Roman Mezhgorya* [Mezhgorye's Novel]. Kyiv, Dnipro Publ., 1986. 639 p.
25. Leonov L. *Sot* [Soviet River]. *Sobranie Sochinenii* [Collected Works]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1970, pp. 7–296.
26. *Literaturnaya Entsiklopediya* [Literary Encyclopedia]. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1932.
27. Nilin P. *Chelovek Idet v Goru* [Man Goes Uphill]. *Novy Mir*, 1936, pp. 44–86.
28. *Pervyi Vsesoyuznyi Syezd Sovetskikh Pisatelei, 1934: Stenograficheskii Otchet* [First All-Union Congress of Soviet Writers. 1934: Verbatim Report]. Moscow, 1934. 719 p.
29. *Russkaya Sovetskaya Literaturnaya Kritika (1935–1955): Khrestomatiya* [Russian Soviet Literary Criticism (1935-1955s): Chrestomy]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1983. 272 p.
30. Sv. Luka (Voino-Yasenetskii). *Dukh, Dusha i Telo* [Spirit, Soul and Body]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Luka_Vojno-Jasenetskij/dukh-dusha-i-telo/#0_2.

31. Skorospelova E. *Russkaya Sovetskaya Proza 20–30-kh Godov: Sudby Romana* [Russian Soviet Prose of 20-30s: The Fates of Fiction]. Moscow, Moscow State University Publ., 1985. 264 p.
32. *Sovetskaya Literatura na Novom Etape: Stenogramma Pervogo Plenuma Orgkomiteta Soyuzo Sovetskikh Pisatelei (29 Oktyabrya – 8 Noyabrya 1932)* [Soviet Literature at the New Stage: Transcript of the First Plenary of the Organizing Committee of the Union of Soviet Writers (October 29 – November 8, 1932)]. Moscow, 1933. 257 p.
33. Ter-Minasova S. G. *Yazyk i Mezhekulturnaya Kommunikatsiya* [Language and Intercultural Communication]. Moscow, Slovo Publ., 2000. 624 p.
34. Tilman Yu. D. *Concept Dusha v Yazykovoj Kartine Mira F. I. Tutcheva* [Concept Soul in F. I. Tyutchev's Language World Picture]. *Ontologija Yazyka i Yego Sociokulturnye Aspekty* [Ontology of Language and Its Sociocultural Aspects], 1999, pp. 155–164.
35. Chureyeva O. A. *Concept Dusha v Russkih Romansah* [Concept Soul in Russian Romances]. *Uchenye Zapiski Tavricheskogo Nacionalnogo Universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Serija Philologiya*, vol. 16 (55), no 1, 2004, pp. 92–96.
36. Shokhina V. *O Feldfebelyakh, Karnavale i Zagovore Chuvstv* [About Sergeant-Major, Carnival and Plot of Feelings]. Available at: <http://www.pseudology.org/babel/Predtechi.htm>.
37. Shaginyan M. S. *Sobranie Sochinenii* [Collected Works]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1956, 776 p.
38. Shaginyan M. S. *Chelovek i Vremya. Istoriya Chelovecheskogo Stanovleniya* [Man and Epoch. The History about Personal Formation]. Moscow, Hudozhestvennaya Literatura Publ., 1980, 717 p.
39. Jasenskij B. *Chelovek Menjaet Kozhu* [Man Changes His Skin]. Moscow, Sovetsky Pisatel Publ., 1956. 584 p.

**“TO BE OR NOT TO BE?”: DISCUSSIONS ABOUT SOUL
IN SOVIET LITERATURE AND CRITICISM OF THE 1920–1930S**

Mashkova Ye. Ye.

The article is devoted to the problem of transformation of the key Russian concept “Soul” in the socialist realism literature and critique of post-revolutionary decades. It is found that for the supporters of new political system this concept is mainly related to religious ideas about divine in human being. Symptomatic for 1920s attempts to discredit this concept, to exclude it from the active vocabulary as ideologically alien anachronism are described. Complex “poputchik’s” (L. Leonov’s, M. Shaginyan’s), “internal emigrant’s” (A. Platonov’s) reflection on Bolshevik spiritual experiment is shown. *Soviet River* by L. Leonov, *Gidrocentral* by M. Shaginyan, *The Street Organ* by A. Platonov do indicate that Soul continues to be one of the main ontological categories for these writers.

It is stated that by the mid-1930s the word *Soul* has not disappeared from literary language, although more often than not it has been used only in structure of idioms. The texts by F. Gladkov, I. Le, V. Ketlinskaya, B. Yasensky, G. Dalny, P. Nilin, A. Zorich, A. Carcev prove that traditional views on Soul have just not been eradicated by new ideology but have been distorted and adapted to it.

The difference between categories “collectivism” and “sobornost” is demonstrated.

Keywords: Soviet literature, socialist realism, concept “Soul”, national mentality, sobornost, collectivism.